

A movie poster for 'Miraculum: Семейные узы'. The background is a lush, green forest. In the center, a woman with long, wavy brown hair, wearing a dark brown leather jacket over a white collared shirt and dark pants, is running towards the viewer. Behind her, a large, menacing werewolf with brown fur and glowing orange eyes is roaring, showing its sharp teeth. The overall atmosphere is dramatic and action-oriented.

АНАСТАСИЯ ТОПЧИЙ

МІРАКУЛУМ
СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Анастасия Топчий Миракулум. Семейные узы

<https://litres.ru/74084213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XIV века, путешественница Астер Ле Фэр странствует по городам и деревням, помогая жителям справиться с нечистью. Только некоторые напасти оказываются порождены совсем не потусторонними силами, а руками обычных людей. На своем пути Астер встречает юношу Самаэля, и вместе они расследуют тайны поселений, а также раскрывают историю своих семей.

Анастасия Топчий

Миракулум. Семейные узы

Глава 1

Конная повозка остановилась, и старый купец, кряхтя и охая, спешил на иссушенную жарой землю. Он вез в город Улькискор роскошные ткани, которые ему удалось раздобыть в соседнем государстве, хотя сам донашивал оборванные тряпки. Душой он был добр и скромн, и с крестьян брал только серебряные монеты, а иногда и вовсе обменивал товар на еду или ночлег. Но золотые монеты у него тоже водились, так как за всю свою честную жизнь ему удалось побывать и на дворцовых площадях, находящихся в ведомстве нескольких лордов, которые обожали направлять на придворные ярмарки своих жен и дочерей, чтобы во дворце хотя бы на один день стало потише. Именно на такую ярмарку купец сейчас и держал путь, разбивая деревянные колеса своей повозки об острые камни неубранных деревенских дорог.

Старик погладил лошадь, поправив ее растрепавшуюся гриву, и дал ей кусочек моркови в знак благодарности за тяжелый труд. Затем он подошел к возу и похлопал по плечу своего попутчика, уснувшего в дороге от монотонной тряс-

ки.

— Приехали, — сказал купец скрипучим голосом. — Село Западное. Дальше только поля и пашни, а за ними город.

Попутчиком оказалась молодая женщина по имени Астер Ле Фэр с роскошными каштановыми локонами и дерзко вздернутым носиком. Несмотря на изрядную потрепанность после долгой дороги и мужские штаны, она оставалась красивой. Старик особенно отметил целостность ее зубов. Не всякий к таким годам мог похвастаться полным ртом. «Ведьма», подумал он и тяжело вздохнул, надеясь, что она не умеет читать мысли.

Женщина спрыгнула с воза, потянулась. Отряхнула от пыли свою шляпу и четким движением водрузила ее себе на голову, чтобы защититься от жарящих солнечных лучей. Она выудила из подсумка на поясе пару серебряников и протянула старику.

— Оставь, — тот махнул рукой и сделал вид, что сильно занят своим скакуном. — Ты молода, тебе еще пригодятся.

Но женщина положила монеты на сидение извозчика и погладила кобылу по крупу.

— Негоже торговцу от денег отказываться, — бросила она, накинула на плечи свои пожитки и удалилась.

Купец еще долго размышлял, пытаясь вспомнить хоть одну присказку о ведьмах, которая запрещала бы брать с них деньги. Не вспомнил. Спрятав серебряники в кошель, он поехал дальше, пообещав самому себе, что сбавит эти монеты

на дворцовой площади при первой же возможности.

На въезде в село Западное располагался рынок. Каждый, кто держал путь в город, останавливался здесь, чтобы купить еды, воды или молока. В небольшом домике со строгой хозяйкой можно было спросить ночлега и даже приобрести женское тепло. Но Астер ничего из этого не было нужно, поэтому она, прикрыв глаза широкими полями своей шляпы, стремительно шагала вдоль небогатых прилавков, не удоставивая их и взгляда.

На самом отшибе рынка с дощечкой на коленях прямо на земле сидел юноша неопределенного возраста. Он был мил на лицо, но слишком чумазым, чтобы точно знать, достиг ли он совершеннолетия. Юноша перебирал в руке выточенные в разные формы костяшки, предположительно козлиные или собачьи, и зазывал к себе зевак, которым не хватало монеты на обед.

— Красивая барышня знает, что она красива, — прикрикнул юноша, когда мимо него прошла Астер. — Но знает ли, насколько она удачлива?

Женщина остановилась и взглянула на наглеца исподлобья. Ей были известны правила игры, в которую ей собирались предложить поиграть, и она осознавала свой мизерный шанс на победу. И все же в ее кармане звенело серебро, которое она готова была потратить на возможность утереть парнишке нос.

— Тебе не совестливо забирать у бродяг последние гро-

ши? — с вызовом спросила Астер, присев напротив юноши и положив на его дощечку один серебряник.

— Некоторым проще уповать на удачу, чем пойти заработать, — ответил юноша и широко улыбнулся. — Это я про тех, кто не научился воровать.

Астер осмотрела самодельные дайсы, дав понять, что ее сложно будет обмануть. Одна кость представляла собой четырехгранник, выпиленный из позвонка, а вторая была шестигранной. Астер не могла определить часть скелета животного, из которого можно было получить такую форму. Возможно, это был хвостовой сегмент крупного кота, но и на фалангу человеческой руки это было похоже.

Юноша собрал кости, активно перемешал их в ладони и бросил. Результат оказался высоким: четыре на четырехграннике, и пять на втором дайсе. Астер должна была выбросить четыре и шесть, чтобы выиграть.

— Кажется, для красавицы сегодня неблагоприятный день, — усмехнулся паренек.

— Давай кости, а не языком чеши, — нахмурилась женщина. Получив игрушку, она дунула в свой маленький кулачок и выбросила двойку и тройку.

— Я бы тебе уступил, выброси ты столько же, сколько я, — подтрунивал юноша. — Но твой результат слишком далек от идеального.

— Еще раз, — произнесла Астер с азартом и вынула очередной серебряник. — Теперь я кидаю первая.

Со второй попытки дайсы оказались благосклоннее и выдали тройку и пятерку. Шансы на победу возросли.

— Другое дело, красавица. Надеюсь, что Фортуна будет на твоей стороне.

Юноша взмахнул руками и выбросил тройку и шестерку. Монета снова переключалась ему за пазуху.

— Ты часто выигрываешь, раз готов просиживать тут штаны целый день, — с нотками досады сказала Астер.

— Такая у меня работа, — пожал плечами юноша. — В развлекательной стезе.

— Шут, которого прогнали с королевского двора? — посмеялась женщина и поднялась на ноги.

— Обижаешь меня из-за собственной неудачи, — скривил гримасу наглец.

— Я точно знаю, что ты обманываешь, но еще не знаю как, — Астер устремила тонкий указательный палец на юношу. — Тем не менее, я проявлю милость и дам тебе бесплатный совет: подстели что-нибудь на землю, если не хочешь лишиться мужской силы.

Вдали прозвенел колокол, спугнув стаю черных птиц. Это был церковный перезвон, обозначивший половину дня.

— Мне пора, маленький воришка, — засобиралась Астер. — Меня ждет настоящая работа.

— Вообще-то мне двадцать, — запнувшись, сказал юноша. Ему хотелось придумать какую-нибудь колкость, но в этой битве он явно проигрывал.

— Ты прожил треть жизни и оказался на отшибе сельского базара, — Астер разочарованно помотала головой. — Пересмотри свои приоритеты.

Женщина упорхала так же быстро и внезапно, как и появилась, словно беспокойный голубь, следуя за крошками хлеба.

Полдень разогнал крестьян по домам на обеденный перерыв. Граф города Улькискор позволял своим людям проводить это время с семьей, потому что считал, что это положительно влияет на результаты сельской работы. Но местные выпивохи использовали поблажку исключительно в корыстных целях. А пили в селе Западном много, потому что основным урожаем с ближайших полей были пшено да ячмень.

Астер дошла до церкви самым коротким путем, который был ей известен по ее предыдущим визитам. Возле нее она встретила юродивого, занимающегося в саду какой-то деятельностью. Заприметив красивую женщину, он дружелюбно помахал ей рукой, словно они были давно знакомы.

— Егоша! — выкрикнул мужичок свое имя. Подходить ближе он не стал, видимо, боялся в силу своего тугоумия. А может быть, держаться в стороне от незнакомцев его научили дети, не упускающие возможности поиздеваться над больным человеком.

Астер кивнула Егоше в знак приветствия и вошла в храм. Внутри все было обставлено так, как она привыкла: несколько рядов деревянных скамей, солея и амвон. Един-

ственной странностью служило отсутствие прихожан. Обычно в селах церковь считалась популярным местом и пользовалась спросом даже у язычников. Все дело в крепкой крыше над головой и в социальной безопасности. А на священные праздники храмы позволяли себе угощать посетителей вином, которое под божье слово называли кровью Господней. В бедные же сезоны у церкви раздавали еду. Но, кажется, этот храм крестьяне обходили стороной.

— Астер! — из южных врат алтаря показался священник Исаак. Женщина сняла с себя мешок с вещами и пошла ему навстречу. Исаак обнял долгожданную гостью.

— Отец, я получила весть и приехала с первым ямщиком. Расскажите, в чем необходима моя помощь?

Священник жестом пригласил присесть на скамью и обратился взглядом к свежей иконе Пантократора.

— Дитя, боюсь, что мы своими грешными желаниями навлекли на храм проклятие. Как тебе известно, он был построен совсем недавно милостивым графом Улькискора, чтобы повысить уровень просвещения народа и одновременно укрепить любовь и преданность к себе. Но люд здесь оказался довольно самодурным. Господи, прости мне это слово. Я имею в виду, что он не подготовлен пускать образование в свою жизнь.

— Рабочие крестьяне глуповаты и хамоваты, что еще никогда не воспринималось как проклятие, — прокомментировала Астер.

— Суть, конечно же, не в них, — Исаак два раза тяжело вздохнул и перекрестился. — Преследуя исключительно добрые побуждения, прямо в этих стенах мы начали рассказывать истории о несуществующих людях, которые могли скоропостижно почтить на святых землях... Мы их придумывали. Это была вынужденная мера, потому что крестьяне больше любят сплетни, чем текста Евангелия.

— Про Евангелие за кружкой пива не поболтаешь, — согласилась Астер и поймала от проповедника легкий укор. Если бы он не знал, кто она такая, он бы отчитал ее за упоминание хмельных напитков в доме Господнем, но он знал и мирился.

— Не успели мы привлечь прихожан, как в храме действительно завелся призрак. И порожден он не чьей-то смертью, а нарушением девятой заповедью Господней: не лги. Мы лгали и распространяли эту ложь по всему селу, и теперь расплачиваемся за свои грехи.

— Вы верно беспокоитесь о грехах, отец, — ласково произнесла Астер и для убедительности взглянула священнику прямо в глаза. — Но такое явление, как приведение, имеет совсем иные корни. К тому же, оно встречается редко и, в основном, в выдумках маленьких сорванцов.

— Прошу, Астер, — проповедник взял ладони женщины в свои. — Не будь так предвзята к нашей ситуации. Служителей божьих здесь совсем не много, но все они перепуганы до смерти. Остаься хотя бы до завтра, и во время литургии

ты сможешь лицезреть все воочию.

— Призрак проявляется во время литургии?

— Это время его наибольшей активности. Хотя сестра Феотинья и сестра Елена говорят, что слышат странные звуки по ночам.

— Я не откажу вам, отец Исаак, — сдалась Астер. — Тем не менее, мне необходимо найти ночлег до наступления темноты.

— Не обижай, — священник поднялся. В его движениях были заметны радость и облегчение. — Мы живем скромно, но гостей из дома гнать не будем. Сестра Елена освободит свою келью на время твоего пребывания здесь.

Женщина кивнула, забрала свои вещи и проследовала за проповедником за алтарь.

Возле храма расположилась небольшая пристройка, на втором этаже которой и были обустроены комнаты служителей церкви. Конечно, убранство было не монастырское и предполагало размещение всего около пяти человек, но этого вполне хватало для обслуживания нового храма села Западного. В пристройке разместилось три жилых помещения, названных кельями, для отца и двух сестер, а также две подсобки. Все они объединялись общим коридором протяженностью в двенадцать ярдов, который имел в начале и в конце по одному высокому окну, пропускающему в него естественный свет от солнца или луны. Приспособлений для свечей здесь не закрепили, поскольку пристройка была деревянной

и могла легко вспыхнуть от тревожного пламени. На первом этаже находились дровяная печь и трапезная.

Проход к кельям был с улицы через трапезную, а также прямо из храма, через дверь в ризнице, вырезанную специально для этой цели. Когда Астер была здесь в прошлый раз, в процессе строительства церкви вокруг этой двери ходили споры, не нарушает ли она каноническое устройство алтаря. И все же на нее решились, оправдывая ее существование безопасностью сестер в ночное время, и завесили ее тканью с изображением куполов, чтобы всякий гость во время таинства ее не увидел.

У комнаты в самом дальнем конце коридора, предназначенной для Астер, ожидала сестра Елена. Несмотря на вежливое приветствие, в ее взгляде ощущался холодок. Она была молода и нетерпелива, что могло указывать на то, что в монашки ее постригли против воли.

— Я уже перенесла вещи к сестре Феотинье, — сообщила она. — Надеюсь, вы разберетесь с нашим призраком как можно скорее.

Астер поняла, что между сестрами преобладали натянутые отношения, но допрашивать об этом не стала. Она была уверена, что, если ее догадка верна, подтверждение этому не заставит себя долго ждать.

— Сестры будут жить рядом с тобой, — рассказывал отец Исаак. — Моя келья у выхода к алтарю. На противоположной стороне кладовые, в них хранятся садовые принадлеж-

ности, свечи и полотенца. Если тебе захочется омыться, придется выходить во двор — там обустроен резервуар с дождевой водой.

— А Егоша живет с вами?

— Вижу, ты с ним уже познакомилась, — рассеянно отвечал проповедник. — Егоша не живет в кельях, но иногда мы пускаем его в подсобку. В теплые ночи он спит на улице. Хотя он добродушный и помогает нам с садом, мы все же стараемся приглядывать за ним, чтобы он не шастал, где не попадя. Видишь ли, ему ума не хватает к уважению и почитанию высших сил и таинства обрядов. И выставить его мы не можем, бедняга прибился к нам во спасение.

— Сестра Феотинья им занимается, — уточнила Елена. — Меня он не слушает. Мычит что-то на своем, а я не понимаю. Проще палкой пригрозить, как собаке.

— Возлюби ближнего твоего, как самого себя, сестра, — пресек ее проповедник. — Евангелие от Матфея, глава двадцать вторая, стих тридцать девять.

— Да, отец, — сестра Елена с раздражением поклонилась и убежала в соседнюю комнату.

— Не делай о Елене поспешных выводов, — обратился Исаак к Астер. — Мы все друг для друга люди новые. Приживаемся.

— Я тут не чтобы осуждать, — откликнулась Астер.

— Оставлю тебя, дитя мое. Осматривайся и делай свою работу, а к ужину приходи в трапезную.

Женщина подождала, пока священник спустится по скрипучей лестнице, и закрылась в своей келье.

Комната сестры Елены была бедно обставлена, из мебели лишь небольшой туалетный уголок и две маленькие кровати с тонкими перинами. Обе перины находились на кровати Елены. Видимо, молодая спина требовала мягкой постели. Астер бросила свой мешок на пол, не торопясь разбирать вещи, и огляделась. По углам скопилась пыль, кое-где растянулась паутина. На столике застыли капли воска. Небольшое окно, выходящее во двор храма, похоронило в своих створках несколько мух. Для монахини такой порядок был не характерен.

Астер заметила, что между перинами торчал клочок бумаги. Не ущемляя свое любопытство, она выдернула его и обнаружила письмо, написанное неграмотно и неровным почерком. Бумага была измята, а чернила на ней местами размыты влагой, вероятно, слезами.

«Дарагая Елена,

Предвещая разлуку я хочу оставить эти слова как память о нашей бесканечной любви. Я закрываю глаза и вижу твою улыбку. Только она памагает мне справляться с теми напастями, что настигли мою голову. Знай, что я нио чем не желею. Если Господь даст мне выбор жить, но забыть тебя, или умереть и снова тебя увидеть, я выбирау второе.

Умоляю, не плачь обо мне.

Навеки твой,

Лука».

Астер дочитала письмо до конца и уложила его поглубже в перины, чтобы хозяйка не усомнилась в его секретности. Ей стало абсолютно ясно одно — сестра Елена не была пострижена в монахини, поскольку она не сменила имени после своих греховных походов с неким Лукой. И судя по ее поведению, свой статус инокини она менять не стремилась. Не исключено, что ей вообще претило нахождение при церкви, и это могло сподвигнуть молодую барышню строить козни и портить репутацию данному месту, создавая шанс ее переправе отсюда. Вот только куда может стремиться Елена, на что она рассчитывает? Этот вопрос предстояло выяснить.

Ужин состоялся, когда на улице стемнело. Обеденный стол был уставлен свечами, и еще одним источником света служила печь. На стенах висели сухие травы, из которых делался ароматный чай. Над выходом во двор была прибита подкова вместо крестика или иконки. В целом помещение походило скорее на деревенский дом, чем на церковное убранство, что приближало его обитателей к обычным людям, а не к высшему обществу.

Астер отметила, что приборы разложили на четверых человек.

— Егоша не будет есть с нами? — спросила она.

— Я накрыла ему снаружи, — сухо ответила сестра Феотинья. — Не все здесь мирятся с его присутствием.

Замечание предназначалось Елене, но та вовсе не беспо-

коилась о нем.

Феотинья была женщиной преклонного возраста с очень простыми чертами лица. Из короткого разговора с ней во время сервировки стола Астер узнала, что она была дочерью предыдущего пресвитера города Улькискора, посему всю свою жизнь она посвятила служению Богу. Теперь ее направили в новую церковь с миссией о просвещении населения села Западного.

Во главе стола сел отец Исаак, сестры расположились по левую и правую стороны, а Астер заняла место напротив него. На ужин подавалась кукурузная похлебка и утренний пшеничный хлеб. После благодарственной молитвы за посланную пищу все четверо застучали ложками по глиняным мискам.

— Астер, расскажите о себе, — попросила сестра Феотинья. — Вы кажетесь весьма экстравагантной личностью, начиная от образа, заканчивая родом вашей деятельности.

— Я простой путешественник, — начала Астер, подбирая правильные слова. — Была обучена лекарскому ремеслу своей матерью. Росла возле монастыря города Баллистгард, где меня научили читать и писать.

— Никогда не слышала об этом городе, — призналась Феотинья.

— Он находится на востоке, — подала голос Елена. Она макнула кусок хлеба в похлебку и съела его с гримасой отвращения. — Слишком далеко отсюда.

— А что насчет обрядов? — продолжала монахиня, проявляя искреннюю заинтересованность. — Этому тоже учили в монастыре?

— Отчасти, — отвечала Астер. — Монастырь Баллистергарда обладает большой библиотекой, и у меня к ней был постоянный доступ. Тем не менее, информация о потусторонних сущностях разбросана по всему миру, и приходится собирать ее по кусочкам, отделяя правду от детских страшилок.

— И много ли оказывается правдой?

— Мало, — резко отрезала Астер. — В большинстве своем я сталкиваюсь с деяниями рук человека. И часто это оказывается ужаснее всякого монстра.

Феотинья склонила голову и принялась тихо зачитывать молитву об освобождении души от грехов.

— Сестра Елена, а откуда вы сюда прибыли? — обратилась Астер к инокине.

— Отец сослал меня сюда в качестве наказания за мою любовь, — девушка выпрямила спину, демонстрируя благородную осанку. — Я — дочь графа Улькискора, леди Елена.

— В церковь направляют ради искупления, а не наказания, — строго произнес Исаак. — И не надо путать любовь с развратом, Елена.

— Они застучали меня с прислугой, — шепнула сестра, нагнувшись к Астер. — Вот что они называют развратом. Никто меня ни разу не спросил о чувствах, потому что я жен-

щина. Папе было проще отдать меня в церковь, чем объяснить за мой поступок. Он построил этот храм из-за меня.

— Граф построил храм ради крестьян, а не ради тебя, — одернул Елену священник.

— Да кому мы тут нужны, — пробурчала инокиня и замкнулась в себе.

— А что с прислугой? — уточнила Астер.

— Его повесили, — вздохнула Елена. — И даже не похоронили. Он до сих пор висит во дворце, чтобы указывать остальным на их место.

На глаза девушки навернулись слезы, и она быстро утерла их скуфьей.

— Я бы хотела вернуться туда и похоронить Луку, — закончила инокиня.

— Это уже не наше дело, — прокомментировал Исаак. — Это крест твоего отца, и ему его нести.

Сестра Елена вскочила со стула и побежала наверх. Феотинья разочарованно покачала головой.

— Мне жаль ее, — сказала она. — Жаль, что она не понимает своих проступков.

Ужин завершился, и все разошлись спать по своим кельям. Астер взяла из кладовки новую свечу, которой должно было хватить на всю ночь, так как не хотела оставаться в полном мраке. Сегодня было новолуние.

Для язычников, которые еще не обрели себя в нынешней религии, ночь в новолуние была особенной. Согласно пове-

рьям, в это время ведьмы проводили ритуалы в честь покровительства богини Гекаты, управляющей мраком, кошмарами и волшебством. Людям приходилось прятать свой скот и скрываться самим, чтобы не стать жертвой, принесенной богине в обмен на новые колдовские силы. Для этого в доме и в хлеву необходимо было оставить на ночь свечу или масляную лампу, чтобы рассеивать тьму, в которой господствовала Геката.

Спустя время Астер проснулась от скрипа деревянных половиц. За окном было настолько темно, что отражение в нем наполовину сторевавшей свечи выглядело четким и непрозрачным. В силу своей деятельности у Астер был очень чуткий сон и натренированный слух, поэтому она сразу распознала чьи-то тяжелые шаги в коридоре.

Хлопнула дверь, и шаги испарились. За ними последовала возня, природу которой уже невозможно было определить, так как она происходила за каменной стеной храма. «Кто-то направился к алтарю», — подумала Астер и решила проверить, кому не спалось в эту ведьминскую ночь. Она взяла в руку подсвечник и вышла из комнаты.

В темноте коридор казался длиннее, чем был на самом деле, потому что окна визуально увеличивали его пространство. Астер медленно направилась к потайному выходу из пристройки, стараясь не создавать лишнего шума. Ей пришлось идти наощупь, потому что дальше одного шага ничего не было видно.

Чей-то шепот заставил женщину остановиться. Он звучал то отдаленно, то приближался практически к самому уху. По спине Астер побежали мурашки, а подсвечник в руке предательски дрогнул, заставив плясать маленький огонек, от которого по стенам бежали искривленные тени. Шепот участился и стал более ровным и размеренным. Тогда Астер поняла, что это была молитва сестры Феотины. Отдаленный голос принадлежал ей, а прямо под дверью, возле которой находилась Астер, стояла сестра Елена и вслушивалась в зловещие звуки снаружи.

Восстановив сбивчивое дыхание, женщина продолжила свой путь. Когда она дошла до прохода к алтарю, она увидела, что потайная дверь не была закрыта, а за тканевой завесой горел свет. Выглянув из укрытия, Астер застала Егошу врасплох. Он игрался с какими-то камешками на жертвеннике и теперь был до смерти перепуган внезапным появлением человека.

— Тише, — Астер приложила палец к губам, призывая юродивого не шуметь. — Я не стану тебя ругать.

Егоша сложил свои камешки, обхватил голову руками и принялся раскачиваться взад-вперед.

— На улице очень страшно, — мычал он. — Не выгоняй меня.

— Зачем же ты залез в алтарь, — Астер подошла к мужичку и погладила его по спине, чтобы успокоить. — Ты мог остаться в притворе.

— Мне нравится здесь играть.

Женщина отметила про себя, что алтарь действительно привлекал внимание. От семисвечника исходило много света, а на престоле лежали красивые фигурки и книжка с картинками. Ничего из этого не предназначалось для игр, но для скудного ума эта мысль была непостижимой.

— Ты часто приходишь сюда? — поинтересовалась Астер.

— Только когда очень темно или рядом ходят бродячие собаки. Я люблю собак, но иногда они бывают очень злыми.

— То, наверное, волки, — предположила Астер. — От них и правда стоит прятаться.

— Ты никому не расскажешь, что я здесь? — жалобно пролепетал Егоша.

— Я тебя не сдам, — пообещала Астер. — Но и оставаться здесь мы не сможем. Ты сильно напугал сестру Феотинью, а у нее уже очень старое сердце. Ты же не хочешь, чтобы она померла?

— Не хочу, — протянул мужичок. — Феотинья мне как мама, заботится обо мне и кормит. Я не хочу ее пугать.

Астер помогла Егоше подняться и под руку повела его на паперть. Так и была раскрыта загадка о потусторонних звуках по ночам. Сестры не могли набраться смелости, чтобы их проверить, а отец Исаак попросту их не слышал за своим крепким сном.

— Егоша, может быть, ты знаешь, кто мешает проведению литургии? — напрямую спросила Астер. Она надеялась, что

между ними наладилась достаточно дружеская связь, чтобы юродивый сознался и в этом.

— Призрак, — без промедления ответил тот. — Ему не нравится богослужение. Он расстроен.

— Может быть ты знаешь, чей это призрак?

Егоша нахмурился.

— Феотинья говорит, что он не отсюда. Но я-то знаю, что он принадлежит этому месту. Только это большая тайна. Когда я о ней говорю, все делают вид, что не верят мне.

— А ты поделишься со мной этой тайной?

Оказавшись на ступеньках перед входом в храм, освещенных единственной свечой, Егоша замкнулся в себе.

— Ты оставишь меня здесь? — обиженно протянул он.

— Я посижу вместе с тобой, — вздохнула женщина. — Можешь не переживать, монстры меня боятся.

— А почему? — радостно хихикнул Егоша.

— Потому что знают, что мне известно, как их поймать, — загадочно ответила Астер.

До рассвета они вместе с мужичком просидели на паперти. Астер рассказывала ему о своих путешествиях и о сказочных существах, которых ей удалось встретить на своем пути. И пусть половина из этих историй оказалась неправдой, но Егоша с искренним интересом вслушивался в каждое слово и восторгался смелостью и смекалкой своей новой подруги. Когда солнечные лучи начали разливаться по земле, Астер заметила, что Егоша уснул. Потушив почти дого-

ревшую свечу, она направилась обратно в келью, чтобы не вызывать у сестер лишних вопросов. Женщина собиралась сдержать свое обещание и не выдавать Егошины ночные похождения хотя бы до конца своего расследования.

По утру в комнату Астер постучалась Феотинья. Она держала перед собой книгу в переплете из телячьей кожи, выкрашенной в красный цвет, с оттисками в виде рун.

— Я взяла ее с собой, когда покидала храм Улькискора, — сообщила сестра. — В этой книге содержатся сведения о потусторонних существах, которые помогут нам избавиться от приведения.

Феотинья открыла страницу с заголовком «Залетные призраки». На ней была изображена черная мантия, повисшая в воздухе, без лица и других признаков чего-то человеческого. В подписи к рисунку утверждалось, что залетный призрак является всего лишь разновидностью озлобленной души, и перед стандартным обрядом изгнания его необходимо «заземлить».

— Кто это написал? — поинтересовалась Астер. В ее голосе звучали нотки скептицизма, к чему у нее были обоснованные причины, которые она пока не собиралась раскрывать.

— Народ, — гордо ответила сестра. — В нашей церкви любой прихожанин мог поделиться своим опытом в противостоянии силам зла.

— А как вы отделяли истину от лжи?

— Лжи быть попросту не могло! — воскликнула Феотинья. — Все сведения записывались во время исповедей.

— Понятно, — заключила Астер, представив, как залетного призрака выдумывает пьяный муж, оправдывая исчезновение драгоценностей жены. — Вы хотите, чтобы я провела ритуал «заземления» во время литургии и, затем, изгнала призрака «стандартным обрядом»?

— У вас в этом больше опыта, — рассеянно кивнула Феотинья. — К тому же, мы с Еленой и отец Исаак должны принимать непосредственное участие в самой литургии, и на поимку призрака нам нужен кто-то еще.

— Понятно, — терпеливо повторила Астер. — Я безусловно буду присутствовать сегодня вечером на таинстве богослужения. Чему оно, кстати, будет посвящено?

— Сегодня мы читаем Таинство Возношения, — с благоговением произнесла монахиня. — Я буду молиться весь день, чтобы это была последняя литургия без присутствия прихожан.

Сестра откланялась и ушла, оставшись довольной после разговора с Астер.

Женщина задумчиво выглянула в окно и увидела, как во дворе в цветочных кустах ковыряется Егоша. Он что-то увлеченно выкладывал из камней, которыми вчера игрался на жертвеннике. Астер решила спуститься вниз и узнать, чем именно он занимается.

Мужичок выложил крест у стены пристройки и теперь

украшал его сорванными цветами.

— Что ты делаешь? — спросила Астер.

— Это тайна, — прогнусавил юродивый, не отрываясь от своего занятия.

— Я думала, мы с тобой друзья и можем делиться тайнами, — наигранно обиделась Астер.

Егоша замаялся.

— Когда церковь строили, я увидел, как обрушилась стена, — заговорщицки прошептал он. — Она завалила рабочего. Его похоронили прямо здесь, — мужичок указал на кусты, в которых он делал импровизированное надгробие. — Об этом запрещено рассказывать.

— Ты знаешь, почему это секрет?

— Строительство церкви — дело благое. Боженька не может причинить зла тому, кто строит церковь. Но, получается, причинил.

— Значит, призрак может быть душой рабочего, — предположила Астер.

— Именно так, — согласился Егоша.

— Я могу дать тебе задание?

— Я люблю задания, — повеселел тот.

— Ты должен ходить по селу и рассказывать, что сегодня *ни в коем случае* нельзя заходить в церковь. Мы будем изгонять призрака, и тот, кто подойдет слишком близко, рискует попасть под злое влияние.

— Я буду героем, — обрадовался Егоша и убежал по глав-

ной сельской улице.

Астер зашла в трапезную и сняла с печи несколько пучков засушенной полыни.

— Это нам пригодится, — пробормотала она себе под нос.
— Для «стандартного обряда».

***

Смеркалось. Отец Исаак и сестры собрались на солее к началу литургии. Астер расположилась на скамьях в средней части храма, по настоянию священника покрыв свою голову платком. Егоша был на улице и следил за тем, чтобы в церковь не зашли посторонние. Прохожие сновали мимо прихрамовой территории, бросая косые взгляды на белое величественное здание.

Время пришло. Отец Исаак принялся к чтению молитв, и его звонкий бас разливался по всему помещению, отражаясь от стен и возвращаясь обратно под серединный купол церкви. Даже когда он отошел к алтарю, его голос не утихал. Сестры начали облачаться в ритуальные одежды, расписанные золотыми нитями самыми искусными мастерами Улькискора. Парадные двери церкви, называемые Святыми Вратами, вздрогнули, отчего сестра Елена в испуге подпрыгнула на месте, но не прервала ритуал. Астер обернулась, но ничего не предприняла.

Священник также облачился в специальные одежды и

приступил к проскомидии — жертвенной части литургии. Продолжая зачитывать молитвы, он разрезал подготовленный на жертвеннике хлеб ножом с треугольным клинком. Правое окно в основном зале храма чуть сдвинулось, после чего Восточные врата, ведущие к алтарю, с грохотом распахнулись, и из них показалась черная ряса, похожая на ту, что была нарисована в книге Феотины.

Сестры закричали, и проповеднику пришлось выбежать обратно в солею, чтобы их защитить. Черная ряса вылетела в приоткрытое окно.

Астер поднялась и без тени сомнения выглянула в это окно. Она увидела, как зеваки стали стягиваться к церкви, а Егоша, как безумный, кричал им отступить и пойти домой.

— Как прекратить эту чертовщину? — взвыл отец Исаак, прикрывая своей спиной перепуганных до смерти сестер.

— Она сейчас сама закончится, — спокойно отвечала Астер, по-прежнему ничего не делая, чем вызывала негодование у священника.

Не успел он ничего сказать, как западное окно тоже сдвинулось, и в него ворвалась такая же черная ряса, умчавшись обратно в ризницу. Отец перекрестился и издал печальный стон.

— Ну, наверное, все, — подытожила Астер и направилась вслед за черной рясой. Спустя пару мгновений она вышла из ризницы с ней в руках. Ряса не подавала никаких признаков жизни или послесмертных явлений. Вместе с ней женщина

держала моток тончайшей шелковой веревки.

— Что это? — озадаченно произнес священник. Сестры все еще прятались за ним, с любопытством выглядывая из-за его плеч.

— Так Феотинья представляет себе залетного призрака, — пояснила Астер. — Но на самом деле это просто одежда, и никаких залетных призраков не существует.

— Как же так? — обратился Исаак к сестре. — Все это время мы вместе боролись против тебя же?

— Вы меня разоблачили, — призналась Феотинья и забрала у Астер черную рясу. — Простите меня, отец Исаак, но я выполняла свою миссию и буду выполнять до конца.

— Миссию? — воскликнула Елена. — Я боялась сомкнуть глаз, лишь бы не быть поверженной этим приведением!

— Меня направили сюда, чтобы просвещать народ! — защищалась Феотинья. — Но эти глупые, прости, Господи, крестьяне не заходили в церковь даже переждать дождь. Когда отец Исаак сказал, что прихожане любят храмы с историей, мне и пришла в голову идея эту историю написать.

— Но как же ты могла дурачить нас все это время? — недоумевал проповедник.

— С помощью Егоши, конечно, — перебила Феотинью Астер и выглянула во второе окно. Теперь аудитории на улице было достаточно, чтобы перейти ко второй фазе сегодняшнего вечера. — Это он барабанил в дверь и открыл ок-

на. А ряса перемещалась по прочным шелковым нитям, почти не заметным в блестящем внутреннем убранстве храма. Точнее, это были две рясы — одна вылетела в восточное окно, а другая залетела в западное.

— Вы знали все с самого начала? — расстроено спросила монахиня.

— Не совсем так. Призрак мог быть выдумкой Елены, которая очень хочет вернуться домой. Он мог оказаться шалостью Егоши. И также он мог быть вполне реальным, учитывая ваш маленький секретик, зарытый у пристройки, — Астер многозначительно взглянула на священника, и тот стыдливо опустил глаза. — Но все встало на свои места, когда вы, сестра Феотинья, показали мне свою книгу и настояли именно на этом типе потустороннего существа. Видите ли, приведения действительно существуют, и я их встречала на своем пути. С абсолютной уверенностью могу заявить, что это не летающая одежда.

— Я хотела как лучше, — развела руками Феотинья и расплакалась.

— Мы доведем план до конца, — пообещала Астер. — Но теперь мне понадобится ваша помощь.

Женщина раздала сестрам букетики полыни и приказала поджечь их у раскрытых окон. Дым от сухоцвета получился плотным и густым, он вываливался из церкви как нечто противоестественное, заволаживая своим видом присутствующих крестьян.

— А теперь немного магии, — произнесла Астер, сорвала с себя платок и надела любимую шляпу. Она вышла в парадные двери, приковав к себе взгляды неискушенных зрителей.

Астер демонстративно сняла с пояса две бутылки. Одна из них была невзрачной и содержала в себе порошок фиолетового цвета. Женщина рассыпала вещество перед своими ногами, как сыпят соль, оберегаясь от демонов, и крикнула:

— Призрак стал очень силен и пытается вырваться из церкви в поисках нового тела!

Крестьяне охнули и покачнулись, но не разбежались. Астер заприметила в первом ряду мужичонку, у которого от страха тряслись колени, и направила свой строгий взгляд прямо на него.

— Мне осталось только окропить это место святой водой и молить Господа Всевышнего об уничтожении зла, пришедшего в наш край!

Астер откупорила пробку из второй бутылки, на которой был изображен крест. В таких обычно хранили святую воду, но Астер заготовила в ней нечто иное. Она полила дорожку из фиолетовой соли и замерла.

Отец, сестры и крестьяне одновременно затаили дыхание. Егоша, схватившись за голову, тревожно раскачивался взад-вперед. Прошли долгие несколько мгновений, пока не произошла яркая вспышка света. В сторону крестьян с паперти полетели капли неизвестного вещества, а за ними образовались белые шары из дыма и устремились прямо к трусу из

первого ряда. На полпути дым рассеялся, но эффекта хватило, чтобы мужичонка впечатлился и без чувств упал на землю. Народ вокруг него расступился. Астер подбежала к мужичонке, вынула из подсумка маленькую склянку и поднесла ее ему под нос.

— Вот ты и попался, чертов дух! — театрально воскликнула женщина, и трус мгновенно проснулся, пробужденный резким запахом из склянки. Астер указала крестьянам на то, что призрак теперь заточен в этой баночке.

Народ одарил спасительницу бурными овациями. Люди кинулись поднимать мужичонку на ноги и опрашивать, какого это быть одержимым злым духом. А тот и рад был такому вниманию, поэтому в ответ рассказывал все сильно больше, чем мог испытать на самом деле.

Женщина поправила свою шляпу и скрылась за дверями храма.

— Что это было, Астер? — восторженно поинтересовался отец Исаак.

— Безобидный фокус, — пожалала плечами та. — Здесь у меня вода, которая остается после омыливания скотного жира, — она потрясла бутылкой с крестом, а затем показала фиолетовую соль. — А здесь стертая в пыль руда с гор Баллистгарда. Заговоренная.

— А это не опасно для нас? — икнула Елена.

— Никакого волшебного эффекта не произошло, только огонь и дым. Протрете папёрть водой и забудете, что я вооб-

ще там стояла.

— Уж такого мы не забудем, — посмеялся священник. — И все село не забудет!

***

На следующее утро Астер, получив вознаграждение от отца Исаака, вышла на солею с мешком своих вещей и увидела, как на скамьях сидят прихожане в ожидании проповеди. Сейчас их было не так много, но это было только началом просвещения народа села Западное.

Проводить гостью пришли все постояльцы храма.

— Мне теперь так стыдно, — шептала сестра Феотинья. — Нужно было сразу сказать, что я натворила, и мы бы получили помощь гораздо раньше.

— Главное, что вы стремились сотворить благо, — сказала Астер.

— Могу я отдать вам книгу в знак благодарности? Знаю, что это сказки, и все же они рассказаны людьми, с которыми вам приходится... работать.

— Я с удовольствием возьму ее почитать, и затем верну в библиотеку храма Улькискора, — кивнула Астер и спрятала подарок в мешке.

— Жалко, что ты уходишь, — насупившись, промычал Егоша.

— Если я не уйду, мне будет нечего рассказать тебе в сле-

дующий раз, — женщина подмигнула мужичку и покинула храм.

Астер шла по главной сельской улице к рынку, на котором она снова сможет поймать извозчика и поехать с ним дальше. Теперь у нее не было четкой цели, был только путь через старый город Улькискор.

На рынке ее окликнул обманщик, с которым она познакомилась по приезду сюда.

— Красавица, я видел, что удача снова настигла тебя, — озорно прокричал тот. — Может, попробуешь отыграть у меня свои монеты?

— Я поиграю с тобой, — откликнулась Астер. — Только если ты засучишь рукава.

Ловкач с широкой улыбкой на лице принялся задирать рукава своей грязной рубахи. Из них высыпались дополнительные костяшки, на которых были выточены только самые большие цифры. В свою очередь выбрасывать дайсы он подменял обычные на эти, чтобы точно получить высокий результат.

— Вот теперь бросай, — хитро улыбнулась Астер, и парень подчинился. В свой ход он выбил один и четыре.

— Говорила мне мама не иметь дел с красивыми женщинами, — усмехнулся он.

Астер собрала кости в ладонь, подула на них, хорошенько потрясла и вывалила обратно на дощечку. Ее результатом стало три и шесть.

— Права была твоя мама, — женщина забрала выигрыш и направилась к дороге.

— Подожди! — позвал ее ловкач и бросился за ней. — Прости, но мне нужно отыгаться, иначе мне не на что будет есть.

Астер остановилась и пристально осмотрела паренька с головы до ног, отчего тот почувствовал себя неуютно. Он был значительно выше женщины и обладал широкими плечами, которые мог пустить в тяжелый труд, нежели на мелкое воровство на сельском рынке. Его сильные руки, которые теперь можно было рассмотреть без рубашки, вызывали приятные ощущения внизу живота.

— Может, ты захочешь получить свой серебряник по-другому? — заискивающе спросила красавица и кивнула в сторону придорожного домика.

— Я согласен, — после недолгих раздумий ответил ловкач.

За пару монет Астер сняла у хозяйки крошечную комнатку, куда едва помещалась кровать, и завела в нее наглого мальчишку. Ей не нужно было прикладывать усилий, чтобы он сделал все, чего она от него потребовала. Герои уже об этом не узнают, но хозяйка домика еще долго будет пристыжать постояльцев историей, как молодая путешественница перевела на мальчонку целых пять свечей, тогда как местные мужики и одной свечке догореть не давали.

— Разрешите мне поехать с тобой, — взмолил ловкач, когда

пара снова вышла на улицу.

— Еще чего, — отозвалась Астер, поправляя ремень на штанах.

— Ты сказала, что я просиживаю на рынке свою жизнь, и была права. Я тоже хочу путешествовать по миру и зарабатывать, помогая людям.

— Все это можно делать без меня.

— Я без тебя не хочу, — парень сжал ладонь Астер и жалобно посмотрел на нее сверху вниз. — Ты должна научить меня всему, что умеешь.

— Ты получил свой серебряник, — сопротивлялась та. — Больше я тебе ничего не должна.

— Я буду носить твои вещи! — выпалил ловкач и заставил женщину задуматься.

— Как хоть тебя зовут? — вздохнула Астер.

— Самаэль, — радостно ответил паренек и водрузил на себя мешок с вещами. На его фоне мешок уже не выглядел таким большим, каким казался Астер раньше.

— Это имя ангела смерти, оно тебе совсем не идет, — возразила Астер. — Я буду звать тебя Сэм.

Пошли, Сэм, в сторону пашни. Мы держим путь в Улькискор